

Споры о
местоимениях
сей и *оный* как
факт истории
русской культуры
и литературного
языка XVIII–XIX вв.

Disputes over the
Pronouns *Sei* and *Onyj*
(Russian ‘This One’
and ‘That One’) in the
History of Russian
Culture and Standard
Language in the 18th–
19th Centuries

Любовь Георгиевна
Чапаева

Московский педагогический
государственный университет
Москва, Россия

Lyubov G. Chapaeva

Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia

Резюме

Состояние литературного языка на разных этапах его существования так или иначе оценивается носителями языка. Языковая рефлексия по поводу письменной формы языка, его норм, стилистических свойств может влиять на изменение по крайней мере отдельных его элементов. В истории русского литературного языка, аккумулировавшего в своем составе церковнославянскую и русскую языковые стихии, проблема славянизмов вызывала споры с 30-х гг. XVIII в. Разное отношение к ним иногда приобретало идеологический характер, а отдельные наиболее архаичные единицы становились символами борьбы за чистоту письменного языка, освобождение от славянизмов, за его приближение к современной разговорной речи. Почти столетие такими символами были местоимения *сей* и *оный*. Стилистическая характеристика указательных местоимений оказывается неразрывно связанной с базовыми культурологическими оппозициями: *свое* — *чужое*, *старое* — *новое*. В статье исследуются не

только известные источники, в которых речь идет о возможности и невозможности употребления архаичных местоимений, но также привлекаются малоизвестные и не изученные ранее. Комплексный анализ одного звена языковой системы основывается на тесном взаимодействии языка и культуры в процессе эволюции литературной формы общенародного языка, причем мы учитываем влияние метаязыковой деятельности (выраженной языковой рефлексии) на изменения литературного языка.

Ключевые слова

русский литературный язык, старое и новое, свое и чужое, славянизмы, архаизмы

Abstract

Under all circumstances, native speakers continue to evaluate the state of standard language during various stages of its existence. Reflection about written language composition, its rules, and its stylistic features can result in changes in at least some elements or links of the system. In the history of the standard Russian language, which had absorbed the Church Slavonic and Russian language environments, the Slavism issue has been causing disputes since the 1730s. Different attitudes toward Slavisms acquired ideological qualities; some of the most archaic linguistic units became symbols of the fight for freeing the language from the old, for its modernization, and for bringing it closer to the spoken word. The pronouns *sei* and *onyi* acted as such symbols for almost a century. The stylistic characteristics of demonstrative pronouns turn out to be inextricably intertwined with basic cultural oppositions: *ours–theirs*, *new–old*. The article utilizes well-known sources containing various kinds of speculations about the possibility and impossibility of using archaic pronouns, as well as sources that are less known or have not been used previously. This complex approach to analyzing one link of the language system is based on the close collaboration between the language and the culture during the evolution of the standard form of people's language, and takes into account the influence of metalinguistic activity (expressed language reflection) on changes in the standard language.

Keywords

Russian standard language, old and new, ours and theirs, Slavism, archaism

На фоне фундаментальной проблемы формирования русского литературного языка частная история местоимений *сей* и *оний* может восприниматься по-разному. С одной стороны, судьба двух неличных местоимений, хотя и обладающих яркой книжной маркированностью, — это слишком незначительное явление в системе русского языка; с другой стороны, оно становится идеологическим символом принадлежности к старому книжному языку, маркирующим определенный взгляд на характер русского литературного языка¹. Историю местоимений *сей* и

¹ Например, В. И. Даль полагал, что местоимения не заслуживают той роли, которая отводится им в спорах о русском языке, но явно указывает на их идеологическую маркированность: «И чем же мы занимаемся, если вздумаем

оний и лингвистическую рефлексию по их поводу следует рассматривать в контексте не только языковых процессов XVIII–XIX вв., но и культурных. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, как в этой частной подсистеме книжного языка отражаются глобальные изменения в русском общественном и языковом сознании, выявляются такие базовые и перекрещивающиеся оппозиции культуры, как *свое* и *чужое*, *старое* и *новое*. Славянизмы в этих оппозициях в рассматриваемый нами период оцениваются как *старое*, но для носителей разных лингво-идеологических установок могут восприниматься как *свое*, так и *чужое*.

В начале XIX в. в рамках полемики архаистов и новаторов на фоне оппозиции *свое* — *чужое* и ее конкретизации в антитезе *русский* — *церковнославянский* рождались некие условные знаки принадлежности к определенному направлению, становившиеся устойчивыми языковыми символами, продолжавшими существовать и в более позднее время. Обычно ими становились слова, которые не имели абстрактного или идеологического значения. Как отметил Г. О. Винокур, слово могло быть абсолютно случайно выбрано из “разряда наиболее «экзотичных» славянизмов, так как в этом случае сильнее выражается «экспрессия старины и церковности»” [Винокур 1959: 126]. В начале XIX в. такими символами языковой полемики архаистов и новаторов стали служебные слова церковнославянского происхождения *абие*, *аще* и некоторые другие, в злоупотреблении которыми новаторы упрекали архаистов [Лотман, Успенский 1996]. Авторы исследования утверждают, что война вокруг архаичных лексем имела давнюю историю, потому что они воспринимались как символы не только устаревшего языка, но и устаревших лингвистических взглядов в спорах о литературном языке еще в середине XVIII в., помогали идентифицировать *своих* и *чужих*.

Показательно, как А. Ф. Воейков, рецензируя книгу Е. Станевича, уже в 1808 году отмечает, что

желая доказать, что онъ старообрядецъ в слогѣ, и тѣмъ придать себѣ больше важности, онъ, кстати и не кстати употребляетъ слова *зане*, *колико*, *наипаче*, *корыстно*, *суесловіе*, *на прикладъ*, *поелику*, *радъ*, *купно*, *кольми же*, *паче*, *словоизвитія*, *метаеть*, *рѣя*, *словесники* и проч.: какое благоразуміе! Г. Станевичъ знаетъ, что сіи слова въ Русской литературѣ тоже, что орлы, драконы, лиліи, изображаемыя на знаменахъ войскъ; они показывают, къ какой из сторонъ принадлежитъ авторъ [Воейков 1808: 118].

О том же пишет в конце 30-х гг. XIX в. В. Г. Белинский: “В нашей литературе возник уже давно вопрос о словах: *сей*, *оний*, *ибо*, *таковый* и тому

пуститься на розыски и поправки языка? Придираемся к тому, к сему — вот я невзначай и попал на *роковое словечко* [выделено нами. — Л. Ч.!]” [Даль 1842: 547]. Об “идеологической норме” подробнее см. [Рей, Делесаль 1983].

подобных, которые одними почитаются необходимостью русской речи, а другими — ее уродством и искажением” [Белинский, 2: 429].

А. Д. Григорьева ссылается на мнение В. В. Виноградова (из неопубликованной статьи) о важности трансформации, которую претерпевают эти местоимения в истории русского литературного языка:

Достаточно сослаться на сложные синонимические соответствия местоимений в системе трех стилей (ср. *сей*, нейтральное *тот* и простонародное *этом*), на борьбу Карамзина и его школы с перегрузкой речи местоимениями и частицами, на ту полемику, которая развернулась вокруг слов *сей*, и *оний* в 20–30-х годах XIX в., на те своеобразные и сложные явления, которые были связаны в русском литературном языке XIX в. с вытеснением *оний* через *тот* и в известных условиях — через косвенные падежи местоимения 3-го лица *его*, *ее* и т. п. [Григорьева 1953: 137].

Стилистическая синонимичность местоимений *сей* — *этом*, *оний* — *тот* зарождается в период формирования нового литературного языка на основе взаимодействия московского говора и церковнославянского наследия в XVIII в. Отсутствие местоимения *этом* в письменных источниках практически до конца XVII в. [Хабургаев 1990: 227–228] может говорить как о его позднем происхождении, так и о сознательном выборе местоимения *сей* в качестве одного из элементов книжности, обязательных для письменного текста русского Средневековья.

Местоимения *сей* и *оний* осознаются как формы книжного, письменного языка, противопоставленные разговорным *тот* и *этом*, уже в первых грамматических сочинениях XVIII в. В параграфе 49 рукописной грамматики В. Е. Адодурова (30-е годы XVIII в.), опубликованной Б. А. Успенским, говорится, что “слово этоъ [. . .] есть природно руское и тожь значит, что мѣстоименіе сей; в писмѣ оно понынѣ еще не очень часто случается, но въ обыкновенных разговорахъ без него обойтись невозможно для того что мѣстоименіе сей бывает тогда уже весьма неупотребительно” [Успенский 1975: 105]. Несмотря на стилистически ограниченную характеристику местоимения *сей*, вопрос о его изгнании из русского языка пока не ставится, хотя В. Адодуров был сторонником ориентации литературного языка на живую разговорную речь. В примечаниях Б. А. Успенского сообщается, что на различие в употреблении местоимений *сей* и *этом* указал в своей грамматике еще Лудольф в 1696 г.; противопоставлены формы и в рукописном лексиконе первой половины XVIII в., составленном, возможно, Татищевым, который полагал, что слово *этом* иноязычного, “сарматского” происхождения [Успенский 1975: 189].

В подготовительных материалах к “Грамматике” М. В. Ломоносова (1755 г.) об оппозиции местоимений *сей* — *этом* не говорится, речь идет

лишь о том, что *сей* в целом не свойственно разговорному языку: “Сей употребляется в простыхъ разговорахъ только в косвенныхъ падежахъ в знаменованіи только времени и места: на сихъ дняхъ, на семъ мѣсте и <пишется> говорить сіомъ и въ семъ случаѣ, и къ тому, и къ сему” [Ломоносов 2011: 486]. В “Грамматике” перечислены местоимения, среди них есть *тот*, *сей*, *оный*, но нет *этого* [ИВІД.: 429]. Правда, говоря о том, что *е*, “на другую сторону обороченное”, русскому языку не нужно, автор приводит в числе примеров слово «етотъ» [ИВІД.: 331]. Таким образом, местоимение *этот*, конечно, употребляется в живой речи, но к грамматике литературного (книжного) языка отношения не имеет. Его “права” в письменности отвоевываются постепенно. А. П. Сумароков полагал, что, например, в трагедиях *этот* допустимо: “Я люблю *сего*, а ты любишь *другаго*, есть правильно; но грубо. Я люблю *етова*, а ты *другова* — [. . .] пріятняе” (цит. по: [Успенский 1975: 190]). Персонажи комедии Фонвизина “Недоросль” предпочитают местоимение *этот*, местоимение *сей* встречается только три раза: в устойчивых сочетаниях “на сихъ дняхъ”, “сей же час” и в диалектно-просторечном варианте “посесь час” [Фонвизин 1959: 105, 141, 171]². Стилистическая дифференциация местоимений осознается драматургом и его современниками:

Чрезвычайно любопытно сравнить его [Фонвизина. — Л. Ч.] рассказы об одних и тех же предметах в двояком виде, в беседах с сестрою более свободы и живости, нежели в других; тут он даже предупредил современных нам [Я. К. Грот писал об этом в 1848 году! — Л. Ч.] гонителей *сего* — *оного*, часто употребляя местоимение *этот* и почти никогда не прибегая к *оному*: “кажется, довольно познакомился я с Парижем и узнал *его* столько, что в другой раз охотою, конечно, в *него* не поеду, мне обещали показать *этого* урода (Руссо), Вольтер также здесь: *этого* чудотворца на той неделе увижу”. Впрочем, не избегал он и местоимения *сей*, потому что не чувствовал в том надобности [Грот 1901: 83].

Попытка интерпретировать сложившуюся традицию противопоставления в русском языке местоимений *сей* — *этот* и местоимений *оный* — *он* (*его*) намечается в грамматиках Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Н. И. Греч пытается найти грамматическое разграничение, функциональную мотивировку для их употребления:

Сие указание на предметы третьего лица производится посредством местоимений указательных: *оный*, *сей*, *этот*, *тот*, *такой*, *таковой*, *толикий*, выражающих близость или отдаление предмета, сходство или подобие, и заменяющих личные местоимения третьего лица в наименовании предметов вещественных [Греч 1827: 87].

² См., например, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля: “ПОСЕСЬ нар. *сиб.* Посель, доселе, по сие время, до сего” [Даль 2: 332].

Как видим, местоимения *сей* и *оний* даются в общем перечне, и их общей особенностью автор грамматики считает указание на неодушевленные предметы. Это весьма любопытное замечание, особенно относительно местоимения *оний*, поскольку в дальнейшем Греч именно для этого значения будет обосновывать необходимость сохранения местоимения в литературном языке. В грамматике А. Х. Востокова (1831 г.) говорится, что форма *его* одинакова и для одушевленных и для неодушевленных, или “отвлеченных” предметов, “но в книжном языке, при имени предмета неодушевленного или отвлеченного винительный не только мужского и среднего, но и женского рода [. . .] *его, ее* заменяется нередко винительным местоимения указательного *оний, оное, оную*” [Восток 1831: 94].

В 1848 году была опубликована книга П. А. Вяземского о Фонвизине, написанная в конце 20-х годов. В тексте местоимение *сей* используется без каких-либо ограничений, так как, по замечанию Я. К. Грота, написавшего на нее рецензию, “словечко это еще мирно жило под покровом своего ничтожества и не думало не гадало, что ему готовится ожесточенное гонение, но зато и громкая слава — слава наполнить собою мир и потом навсегда возвратиться в свое ничтожество” [Грот 1901: 86]. А. Д. Григорьева замечает, что Пушкин употребляет местоимение *оний* преимущественно в деловых и публицистических сочинениях; в поэзии, по ее подсчетам, преобладает местоимение *сей*, а в прозе — *этот* [Григорьева 1953: 194]. “Сокращая употребление местоимения *сей* в авторской речи, Пушкин повышает тем самым стилистическую выразительность этого местоимения, следовательно, и возможность его использования как характерологического средства” [ibid.]. К концу 30-х гг. XIX в. местоимение *этот* свободно употребляется в письменном языке, местоимение *сей* вытесняется из диалогов литературных персонажей, из писем, не предназначенных для печати, таким образом, стилистическая дифференциация местоимений становится очевидной. В связи с этим с новой остротой встает вопрос о праве существования и необходимости местоимений *сей, оний* в литературном языке, как и устаревших славянизмов в целом.

Полемика в фельетонах, посвященных проблемам архаичных славянизмов, и в первую очередь — указательных местоимений, была начата О. И. Сенковским, со временем нашла отражение почти во всех журналах и продолжалась еще долго после того, как сам Сенковский перестал в ней участвовать. Именно Сенковский придает этим местоимениям статус символа всего архаичного, устаревшего, мертвого в языке, статус элементов, принадлежащих чужому церковнославянскому языку, делает их употребление смешным, “источником комизма”.

В 1833 г. вышли “Фантастические путешествия барона Брамбеуса”, в которых Сенковский дважды затрагивает эту проблему. В “Осенней скуке” (рассказ-предисловие) он замечает: “. . . проза круглый год несет вздор; у нас, на Руси, лучшие ее страницы засыпаны толстым слоем острых, шероховатых, засаленных местоимений *сей* и *оний*, которых, по прочтении, не смеете вы даже произнести в честной компании” [СЕНКОВСКИЙ, 2: 5]; и далее:

русская изящная словесность XIX столетия не хотела говорить русским языком XIX века [. . .] Тайно покупала у понытчиков в числе прочего казенные местоимения *сей* и *оний*, [. . .] и [. . .] никак не соглашалась стряхнуть с себя пыль канцелярских форм [. . .], заставляла меня, злополучного, думать на одном языке [. . .], а писать на другом [СЕНКОВСКИЙ, 2: 6–7].

Затем в рассказе “Ученое путешествие на Медвежий остров” герой предлагает улучшить слог перевода “по правилам риторики профессора Толмачева и подсыпать в него несколько пудов предпотопных местоимений *сей* и *оний*, без которых у нас нет ни счастья, ни крючка, ни изящной прозы” [ИВІД.: 184]. В рецензии на роман Ф. Булгарина “Мазепа” (“Драма из эпохи самозванцев”) в том же году Сенковский критикует автора за “книжный дидактический слог” диалогов, “неупотребительные в беседах” слова и обороты речи, за то, что “*сей, оний, а потому* и проч. довольно часто наворачиваются на язык. . .” [СЕНКОВСКИЙ, 8: 55].

В “Обвинительных пунктах против барона Брамбеуса” Сенковский в сжатой форме обобщает свои мысли о литературном языке и отмечает, что

упомянутый Брамбеус открыл в русском языке источник комизма, которого не было, [. . .] тот искусственный язык, которым мы прежде писали, [. . .] вдруг стал комическим, смешным до того, что наши прекраснейшие прежние фразы, убранные древними *сими, оными, коими, таковыми, ибо, поелику* и прочая, наши чудные периоды, раззолоченные славянскими словами и формами, служат теперь новым орудием слога для возбуждения в нужном случае улыбки в читателе [СЕНКОВСКИЙ, 8: 252].

Образцом такого юмористического употребления архаичных местоимений стала “Резолюция на челобитную *сега, онога, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы* и других причастных к одной челобитной, по делу об изгнании оных без суда и следствия из русского языка” (1835 г.), в которой выражен приговор местоимениям:

Принадлежите ли вы русскому языку XIX века? Нет. Можно ли вас произнести перед порядочными людьми, чтоб они не усмехнулись? Нет. Можно ли взять с собою куда-нибудь на вечер, повести в общество, явиться с вами в го-

стиной? Нет — вас надобно всегда оставлять в передней. . . [СЕНКОВСКИЙ, 8: 237].

О. И. Сенковскому возражает критик “Русского инвалида” А. Кораблинский:

Называя местоимения *сей* и *оний* подъяческими загвоздками, какое же имя дадите вы ветхим словам *зане, воздоенный, ради, паки* и проч. Однако самые щеголеватые (*les puristes*) песнопевцы наши их употребляют вопреки воплю князя П. И. Шаликова и покойных князя Григория Хованского и П. И. Макарова [КОРАБЛИНСКИЙ 1834: 428].

Надо отметить, что Кораблинский еще несколько раз в газете “Русский инвалид” вступал в полемику с Сенковским, всякий раз отстаивая местоимения *сей* и *оний* в контексте общей идеи о необходимости сближения письменного литературного языка с живым разговорным.

Ф. Булгарин также считал, что местоимения “*сей, сии, оний, оные, таковые, кои* — кои не употребляются в разговоре” [БУЛГАРИН 1836: 1080], но в книжном языке необходимы, так как “дают слогу ясность и определенность” [ИВІD.].

В 1838 году со специальной брошюрой “Литературные пояснения” в полемику включается Н. И. Греч. Выступая за сохранение архаичных местоимений в составе русского литературного языка, Греч продолжает утверждать, что между русскими и церковнославянскими местоимениями существуют функциональные различия:

Словом *этот* означает указание на предмет с намерением отличить его от другого, например: *этот* человек глуп, а *тот* зол, и сверх того оно употребляется отдельно, как фр. *cela, celui-ci, celui-là*: *это* дурно. *Сей* есть просто указание: *сия* книга продается у Смирдина. Это как бы член определительный [ГРЕЧ 1838: 9].

В другой работе Н. И. Греч уточняет: “Сверх того, слово *этот* употребляется преимущественно в изустной, простой речи, в слоге разговорном, а *сей* в деловом, в письмах, в дидактических сочинениях” [ГРЕЧ 1840: 212].

Если в данном случае можно видеть попытку стилистического противопоставления местоимений *этот* и *сей*, их распределения по разным стилям речи, то в “Чтениях о русском языке” речь явно идет о вкусовых предпочтениях:

У нас за пять лет перед сим³ воздвигалось гонение на невинные слова *сей* и *оний* [. . .] Неопытные и нетвердые в слоге и языке испугались, стали не только избегать этих слов, но и старались повторять как можно чаще: *тот*,

³ Н. И. Греч имеет в виду, что с 1834 года стали печататься фельетоны о местоимениях в “Библиотеке для чтения”.

этот, этим, тем [. . .] Сия зараза простерлась до того, что и из деловых бумаг изгнали старинные формы и вместо: *к сему прошению руку приложил*, стали писать: *к этому прошению руку приложил* [. . .] *Сей* приятнее слуху, нежели *этот*; *сей* короче и лучше улегается в стихе. [. . .] Зачем бросать нам обороты и выражения полезные и необходимые? [Греч 1840: 211–212].

Впрочем, Н. И. Греч как автор грамматик русского языка пытается найти грамматические свойства архаичных местоимений, доказывая их неслучайность и необходимость для русского языка:

Слово *оный* родилось в русском языке по необходимости. Местоимения всякого языка должны выражать заменяемые ими имена предметов пола мужского и женского, и еще предметов неодушевленных [. . .] В русском языке они [имена предметов неодушевленных. — Л. Ч.] бывают рода мужского, женского и среднего. И от этого в последнем случае происходит сбивчивость. Наше местоимение 3-го лица среднего рода отличается от местоимения мужского рода только в именительном падеже: *он, оно*; во всех прочих нет различия. Как тут различить имена предметов одушевленных и неодушевленных? Например, в одной из предыдущих фраз *сей* самой статьи я написал: “В русском языке находим *оное* (слово) в древнейших памятниках”. Можно ли здесь поставить *его*? Нет! Это значило бы, что мы находим не вещь, не неодушевленный предмет, а человека [Греч 1838: 13–14].

Гоголь в статье “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году”, опубликованной в № 1 “Современника” за 1836 г., осуждает Сенковского за разбор “разного литературного сора”, мелочность и ничтожность предметов критики, в частности, за то, что он

завязал целое дело о двух местоимениях: *сей* и *оный*, которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском слоге. Об этих местоимениях писаны им были целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения *сей* и *оный* совершенно неприличны [Гоголь 1952: 160–161].

Гоголь не высказывает своего отношения к местоимениям и славянизмам в целом, но не считает необходимым их изгнание из русского языка, и сам употребляет их в статье, не дифференцируя *сей* и *этот*, например: *этот журнал, статья сия* и под.

Пушкин, справедливо считавший, что письменный и разговорный языки не могут быть равны в своих средствах, в “Письме к издателю”, опубликованном в следующем номере “Современника”, писал:

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений *сей, сия, сие, оный, оная, оное* — не что иное, как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный

язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оний*, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре [Пушкин 1951: 438–439].

Но это не означает, по мнению Пушкина, необходимости изгнания этих слов из русского письменного литературного языка [Ibid.: 439].

Н. И. Надеждин, в отличие от Пушкина, провозглашал, по сути, еще карамзинский принцип “писать, как говорят, и говорить, как пишут” и, признавая, что Сенковский проявляет неумеренную горячность в “этом крестовом походе” против невинных местоимений, воспринимал его позицию всерьез:

Осуждая приторность повторения про одно и то же, я считаю долгом отдать справедливость основной мысли г. Брамбеуса, из которой происходит его ожесточение против “*сих*” и “*оних*” [. . .] [Сенковский] хочет освободить русский язык из тяжкого плена книжного, хочет стряхнуть с него всю школьную, семинарскую пыль, хочет, чтоб у нас писали, как говорят [. . .], хочет, чтоб язык письменный не различался от разговорного [Надеждин 1972: 426].

В. Г. Белинский также счел необходимым несколько раз высказаться по поводу местоимений *сей* и *оний*. Он был достаточно критично настроен по отношению к лингвистическим взглядам Сенковского и обвинял его в безграмотности и незнании правил русского языка, но при этом признавал, что тот “по справедливости не любит” “славяно-церковных” *сей* и *оний*. Сам Белинский полагал, что их употребление в иных случаях необходимо “для большей ясности в слоге, особенно когда дело идет о предметах догматических, ученых”, он против “их употребления без всякой нужды” [Белинский, 1: 194]. Правда, в состав литературного языка, частично описанного Белинским в “Основаниях русской грамматики” (1838 г.), эти местоимения не включены, здесь приводятся только местоимения *тот*, *то*, *это* [Ibid.: 595], хотя других элементов книжного языка в “Основаниях” достаточно. Впрочем, возможно, им было уготовано иное место в грамматическом описании, так как Белинский не считал *сей*, *оний*, *тот*, *этот* местоимениями, называя их определительными словами [Ibid., 2: 548].

В рецензии 1836 года на одну из научных публикаций Белинский недвусмысленно высказывается против этих местоимений, солидаризируясь с Сенковским:

Брошюрки г. А. Т. возбудили против себя самое ожесточенное гонение. [. . .] “Библиотека для чтения” осмеяла их за то, что они “преисполнены *сими* и *оними* [. . .]. Известна ее ожесточенная ненависть к проклятым *сим* и *оним*. “Северная пчела” [. . .] *сии* и *оние* [. . .] жалуется и горячо [. . .]. Я, с своей стороны, не уступаю “Библиотеке” в ненависти к *сим* и *оним*, считая, по уважению

прав собственности, делом незаконным похищать сии местоимения у подъячих, которым оные толико любезны и вожделенны, и притом не видя в них ни малейшей надобности [Белинский, 2: 85–86].

Но при этом Белинский замечает, что употребление этих местоимений можно простить “за мысль”, так как содержание важнее формы [Белинский, 2: 86]. Легко заметить, что Белинский не столь однозначно связывает эти местоимения с церковнославянской традицией, скорее — с дурным слогом канцеляристов и приказным стилем. В этом он не противоречит Сенковскому. Однако отношение к слогу у Сенковского и Белинского существенно различается: если для первого важен правильный, разговорный русский язык, ровный и лексически однородный, то для второго важнее чувство, мысль, для выражения которой возможен и неправильный, с “ошибками против грамматики” язык.

Кто много знает и у кого знание есть род верования, у кого ум и чувства сливаются вместе, тот имеет право не уважать грамматики, потому что взамен этого, в его речи будет жар, энергия, движение, могущество, следовательно, у того слог будет прекрасен [. . .] Но кто о высоких истинах говорит также спокойно и хладнокровно, как *О сенокосе, о вине, О псарне и своей родне*, тому надо крепко держаться грамматики [. . .], задумываться над словом, размышлять над фразой [Белинский, 2: 87].

Сохраняя за местоимениями *сей* и *оний* статус высокой книжности, Белинский высказывается против их употребления в драматическом слоге: “в драматических произведениях эти слова всеми единодушно признаны негодными к употреблению, потому что они не употребляются в разговорной речи, а драматический слог есть по преимуществу разговорный” [Белинский, 2: 428]. Белинский не считает необходимым выбирать высокий слог для перевода трагедии Шекспира (ср. его высказывания по поводу перевода “Илиады” [ИДЕМ, 1: 107]) и в целом высказывается против теории трех стилей: “Шекспир писал драмы, а не трагедии, а во-вторых, он не читал русских риторик и не верил разделению слога на *высокий, средний* и *низкий*. Для него существовал *один* слог — слог души человеческой [. . .] Шекспир не гнушался никакими словами: для чистого все чисто” [ИДЕМ, 2: 430]. Теперь Белинский иначе смотрит и на особенности слога в целом: “Не менее того согласны все и в том, что стихотворный язык, точно так же, как и прозаический, должен быть правилен грамматически, верен своему духу, свободен, развязен, чужд вычурных книжных оборотов” [ИВІД.: 429].

Как можно заметить, отношение Белинского к архаичным местоимениям совпадает с пушкинским: он относится к высказываниям Сенковского как к шутке и считает, что нет никакого “процесса о двух

местоимениях”. В заметке 1836 г. “Несколько слов о «Современнике»” Белинский отвечает на слова Гоголя, связавшего “жалкое” состояние журнальной литературы с “тяжебным делом” по поводу местоимений *сей* и *оний*:

Мы, напротив, осмеливаемся думать, что жалкое состояние нашей литературы и вообще нашей умственной деятельности гораздо более доказывается защищением и употреблением *сих* и *оных*, нежели нападками на *сии* и *оние* [. . .]. Спрашиваем почтенного издателя “Современника” почему он, употребляя *сии* и *оние*, не употребляет *сиречь*, *понеже*, *поелику*, *аще*, *сице*? Он, верно, сказал бы, потому, что эти слова вышли из употребления, что они не употребляются в разговоре? Но чем же счастливее их *сии* и *оние*, которые тоже вышли из употребления, и не употребляются в разговоре? [Белинский, 2: 183].

Вскоре появляется шутливая заметка В. Г. Белинского “Литературная тяжба о *сих* и *этих*”, где он говорит о ничтожности предмета спора, его субъективности и предлагает придумать третье слово, которое бы всех устроило: “Что теперь делать нашим авторам: за *сии* будет их преследовать *этот* журналист, а за *эти* их будет преследовать *сей* журналист” [Белинский, 2: 366].

К концу 30-х годов отношение Белинского к “Библиотеке для чтения” и к самому Сенковскому становится менее ироничным, более сдержанным, он стремится осмыслить место и роль журнала и его редактора в русской культуре. Журнал отличается “положительностью в искусстве и знании”, самобытностью, так как имеет “свой образ мнений” и свой язык [Белинский, 2: 544]. Язык оказывается одним из важнейших достоинств журнала: “Во всех статьях «Библиотеки для чтения» вижу какую-то легкость, разговорность [. . .] г. Сенковский сделал значительный переворот в русском языке” [ibid.: 546]. Теперь в вопросе о местоимениях Белинский безоговорочно занимает его сторону, заявляя, что спор о них “совсем не так мало важен, как думают” [ibid.: 544]. Правда, Белинский против излишней категоричности суждений Сенковского, кроме того, он не согласен с идеей Сенковского о том, что достоинство литературного языка в ровности и чистоте стиля, в единстве разговорной и письменной речи.

Он хочет совсем изгнать их [архаичные местоимения. — Л. Ч.] из языка русского, равно как и слова: *объемлющий*, *злато*, *младой*, *очи*, *ланиты*, *уста*, *чело*, *рамена*, *стопы* и пр. Увлечшись своей мыслью, он не хочет видеть, что слог в самом деле не один, что самый драматический язык, выражая потрясенное состояние души, разнится от простого разговорного языка, равно как драматический язык необходимо разнится от языка проповеди [Белинский, 2: 546].

Согласившись с Сенковским в том, что для языка “разговорного, общественного, так сказать, комнатного” данные архаизмы не нужны, В. Г. Белинский говорит о необходимости дистанции между разговорным и книжным языком, а художественный стиль, по его мнению, шире литературного и может вмещать как архаичные и “высокие”, так и разговорные элементы.

Рассуждая далее о различиях стихотворного и прозаического языка, В. Г. Белинский включает местоимения в состав славянизмов, которые, в отличие от прозы, в языке поэзии вполне уместны, если этого требует “поэтический инстинкт” истинного поэта: “Есть вещи, о которых трудно спорить, которые не поддаются мысли, когда чувство молчит” [Белинский, 2: 547]. Белинский продолжает развивать идею, выдвинутую еще карамзинистами, о вкусе как о единственно возможном критерии оценки литературного (преимущественно поэтического) языка, но, в отличие от Сенковского и карамзинистов, он не столь категоричен в отношении славянизмов и устаревших слов. Белинский подвел итог спорам о местоимениях, подразумевая под ними архаичную книжную лексику в целом:

Если она [“Библиотека для чтения”. — Л. Ч.] ошибается, думая, что богословские и философские истины должны излагаться таким же языком, как статьи о сельском хозяйстве [. . .], то она права, доказывая, что в романе, повести, журнальной статье *сии* и *оние* никуда не годятся и что изгнание их из общественного языка должно служить к его гибкости, заставив искать новых оборотов, которые помогут обойтись без книжных слов. Вы [Греч. — Л. Ч.] сами говорите, что этим словам не может быть места в комедиях, в повестях, подражающих изустному рассказу, в разговорах, в дружеских письмах и т. п.; [. . .] *теперь* это все говорят; но кто причиною, что это теперь *все* говорят? [Белинский, 2: 547].

Заслуга в этом принадлежит, безусловно, Сенковскому и его журналу. Его насмешливые и остроумные выступления привели к тому, что употребление архаичных местоимений резко пошло на убыль, а приверженность к ним определенных авторов, по мнению Белинского, стала вызывать насмешки: “как-то неловко произнести это слово, читая книгу, когда его нельзя без смеху произнести, говоря” [Белинский, 2: 547].

Язвительные высказывания О. И. Сенковского об архаичных местоимениях оказали огромное влияние на современников. Как отмечает Б. В. Томашевский, ссылаясь на Н. Тихонравова, люди, “ведавшие изданием сочинений” Гоголя и Пушкина, “подпав под влияние пропаганды Сенковского”, заменяли в их ранних произведениях местоимения *сей* и *оний* местоимениями *этот* и *тот*, несмотря на то, что оба писателя расходились во взглядах на эти формы с Сенковским, а М. Лермонтов,

по свидетельству Томашевского, сам заменял архаичную лексику, судя по черновикам, в частности, *сих* заменял на *этих* [ТОМАШЕВСКИЙ 1959: 60].

Таким образом, характеристика местоимений как архаичных и комичных исключает их из примет книжности, их употребление даже в книжных текстах должно быть стилистически мотивировано. В 1847 году в “Современных заметках” Белинский вновь возвращается к проблеме местоимений, его собственные взгляды стали теперь более радикальными, и он называет *сей* “обветшалым и смешным” словом, тогда как во времена Карамзина *сей, оный, кой, поелику* были только “обветшалыми”, и выступает за их изгнание даже из научного и публицистического стиля. Он пишет: “Мы крепко убеждены в том, что слово *сей* никогда не должно употреблять, кроме тех немногих речений, в которых оно сохранилось употреблением, каковы: *сейчас, сегодня, сию минуту, до сих пор, по сию пору*” [Белинский, 10: 172]. Изменению взглядов Белинского в немалой степени способствовал новый этап полемики о языке (и в частности о славянизмах) в 1840-х гг. между “Москвитянином” и “Отечественными записками”, отражавшими позиции славянофилов и западников⁴.

Позицию “Москвитянина” в отношении славянизмов и архаизмов выражал С. П. Шевырëв. Вступаясь за местоимения, “этих мучеников”, Шевырëв полагает, что, следуя правилу “пишите, как говорят”, в обычной речи и в журнальной статье часто употреблять местоимение *сей* неуместно. Но из языка поэзии его нельзя изгнать и заменить “неблагозвучным” *этот*, как и из научного стиля: “Из самого языка прозы ученой нельзя никак изгнать этого местоимения. Дело в том, что у нас и литературный язык должен действовать также на разговорный” [Шевырëв 1842: 169]. Местоимение *сей*, по его мнению, еще может проникнуть в разговорный язык. Что же касается местоимения *оный*, то и без него в литературном языке не обойтись, поскольку оно, по мнению С. П. Шевырëва, опирающегося на устаревшие грамматические представления, указывает на более отдаленный предмет.

Но к концу 40-х годов и в “Москвитянине” местоимения *сей* и *оный* воспринимаются как неуместные в литературном языке. Например, в статье Д. Голохвастова “Голос в защиту русского языка” (1845 г.), открывшей полемику о языке между “Москвитянином” и “Отечественными записками”, приводится посвящение Пушкина к “Истории Пугачева”: “Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина *сей* труд, гением его вдохновенный” [Голохвастов 1845: 56]. При этом

⁴ О лингвистических взглядах славянофилов и западников, их отношении к славянизмам, просторечию, заимствованиям и к другим элементам в составе письменного литературного языка см. [ЧАПАЕВА 2007].

автор замечает: “Нельзя не согласиться, что есть что-то официальное и канцелярское в самом складе и языке этого посвящения, написанного по Ломоносовской конструкции с заветным *сей*” [Голохвастов 1845: 57].

Местоимения *сей* и *оний* употребляются в художественных и журнальных текстах все реже, но в 60-х годах В. И. Даль сохраняет их еще в своем словаре, помечая в словарной статье местоимения *оний*, что оно “обще с местоимением *сей* изгоняется из обиходу”; но лексикограф сомневается, что от слов этих следует избавиться, ссылаясь на возможность их поэтического употребления: “но Дмитриева стих: *То сей, то оний на бок гнется*, и Пушкина: *Мы к оной* (грамоте) *руку приложили*, доказывают, что словечко это не лишнее” [Даль, 2: 674]. Эту же идею он высказывает еще раз, комментируя местоимение *сей*: “Нет разумной причины на изгнание местм. *сей*, заменяемое незвучным *этом*; оно осталось, впрочем, и в беседе, во многих реченьях и оборотах” [Даль, 4: 171].

Итак, спор об архаичных местоимениях, то затухая, то обостряясь, тянулся не одно десятилетие, и, как отметил Н. И. Надеждин,

сильно заблуждаются те, кто полагает, что это лишь пустая ссора de lana carina. [. . .] “Сей” и “оний” — это боевой клич того традиционного искусственного языка, который и сегодня еще жеманится в нашей литературе. Речь идет не просто о замене местоимений, но о том, чтобы утверждать господство национального языка, который употребляет именно эти местоимения и избегает те (цит. по: [Манн 1969: 334]).

Рефлексия по поводу местоимений *сей* и *оний*, во-первых, является отражением разного отношения к церковнославянскому языку: как к *своему* или *чужому* в русском культурном наследии. Те, кто воспринимает церковнославянский язык как свой, родной (архаисты начала XIX в., Греч, Шевырев, славянофилы 30–40-х гг.), положительно оценивают славянизмы в целом в составе русского литературного языка, и, следовательно, находят место в нем архаичным местоимениям, несмотря на их “старину”. Те, кто полагает, что церковнославянский язык — чужой, иной, нерусский (карамзинисты-новаторы, Сенковский, Надеждин, Белинский, западники 30–40-х гг.), к архаичным славянизмам относятся негативно, выступая за их исключение из литературного языка, и в конкретном случае — за исключение местоимений *сей* и *оний*.

Во-вторых, в спорах о местоимениях находят отражение различные подходы к проблеме соотношения книжного письменного языка и разговорного в рамках общенационального языка. Известный принцип карамзинистов “писать, как говорят, и говорить, как пишут” поддерживается Сенковским и Надеждиным, делая их яростными противниками архаизмов-славянизмов, так как они неупотребительны в разговорной

речи, следовательно, не уместны и в письменном языке. С другой стороны, сторонники идеи о противопоставленности письменного и разговорного языка (архаисты, Пушкин, поздний Белинский) постепенно приходят к мысли о том, что местоимения *сей* и *оний* не входят в ту группу славянизмов, которые уже усвоены русским языком (например, поэтическим), и, обладая стилистической маркированностью, создают богатство стилей литературного письменного языка.

Таким образом, рефлексия по поводу состава письменного языка, его генетической характеристики и стилистических свойств повлияла на изменение по крайней мере одного из элементов языковой системы.

Библиография

Белинский, 1–13

Белинский В. Г., *Полное собрание сочинений*, 1–13, Москва, 1953–1959.

Булгарин 1836

Булгарин Ф. [Б.], “Образчик разговорного языка”, *Северная пчела*, 270, 1836, 1079–1080.

Винокур 1959

Винокур Г. О., *Избранные работы по русскому языку*, Москва, 1959.

Воейков 1808

Воейков А. Ф., “Мнение беспристрастного о способе сочинять книги и судить о них”, *Вестник Европы*, 18, 1808, 115–123.

Востоков 1831

Востоков А. Х., *Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная*, С.-Петербург, 1831.

Гаспаров 1999

Гаспаров Б. М., *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*, С.-Петербург, 1999.

Гоголь 1952

Гоголь Н. В., “О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах”, in: ИДЕМ, *Полное собрание сочинений*, 8: *Статьи*, Москва, Ленинград, 1952, 156–176.

Голохвастов 1845

Голохвастов Д. [Д], “Голос в защиту русского языка”, *Москвитянин*, 11, 1845, 47–134.

Греч 1827

Греч Н. И., *Пространная русская грамматика*, С.-Петербург, 1827.

——— 1838

Греч Н. И., *Литературные пояснения*, С.-Петербург, 1838.

——— 1840

Греч Н. И., *Чтения о русском языке*, 2, С.-Петербург, 1840.

Григорьева 1953

Григорьева А. Д., “К истории местоимений *сей* и *оний* в русском литературном языке начала XIX в. (*Сей* и *оний* у Пушкина)”, *Труды Института языкознания*, 2, 1953, 137–197.

Грот 1901

Грот Я. К., “Фонвизин, разбор сочинения князя Вяземского (1848)”, in: ИДЕМ, *Труды*, 3: *Очерки из истории русской литературы (1848–1893)*, С.-Петербург, 1901, 73–92.

Даль, 1–4

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, 1–4, Москва, 1955–1956.

Даль 1842

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ [Даль В. И.], “Полтора слова о нынешнем русском языке”, *Москвитянин*, 2, 1842, 532–556.

КОРАБЛИНСКИЙ 1834

КОРАБЛИНСКИЙ А., “За коренные русские православные местоимения *сей* и *оний*”, *Литературные прибавления к Русскому инвалиду*, 54, 1834, 427–429.

ЛОМОНОСОВ 2011

ЛОМОНОСОВ М. В. “Труды по филологии (1739–1758)”, in: ИДЕМ, *Полное собрание сочинений*, 7, Москва, С.-Петербург, 2011.

ЛОТМАН, УСПЕНСКИЙ 1996

ЛОТМАН Ю. М., УСПЕНСКИЙ Б. А., “Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры: «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва”, in: Б. А. УСПЕНСКИЙ, *Избранные труды*, 2: *Язык и культура*, Москва, 1996, 411–572.

МАНН 1969

МАНН Ю. В., “Статья Надеждина на немецком языке”, *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 28/4, 1969, 330–338.

НАДЕЖДИН 1972

НАДЕЖДИН Н. И., *Литературная критика. Эстетика*, Москва, 1972.

ПУШКИН 1951

ПУШКИН А. С., “Письмо к издателю” in: ИДЕМ, *Полное собрание сочинений*, 7: *Критика и публицистика*, Москва, Ленинград, 1951, 435–442.

РЕЙ, ДЕЛЕСАЛЬ 1983

РЕЙ А., ДЕЛЕСАЛЬ С., “Проблемы и антиномии лексикографии”, in: *Новое в зарубежной лингвистике*, 14: *Проблемы и методы лексикографии*, Москва, 1983, 261–300.

СЕНКОВСКИЙ, 1–9

СЕНКОВСКИЙ О. И., *Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса)*, 1–9, С.-Петербург, 1858–1859.

ТОЛСТОЙ 1992

ТОЛСТОЙ Н. И., “Взгляды А. Н. Пыпина на историю русского литературного языка (Страничка из истории русской лингвистики)”, in: W. MOSKOWICH ET AL., eds., *Russian Philology and History: In Honour of Professor Victor Levin*, Jerusalem, 1992, 156–169.

ТОМАШЕВСКИЙ 1959

ТОМАШЕВСКИЙ Б. В., *Писатель и книга: Очерк текстологии*, Москва, 1959.

УСПЕНСКИЙ 1975

УСПЕНСКИЙ Б. А., *Первая русская грамматика на родном языке (Доломоновский период отечественной русистики)*, Москва, 1975.

ФОНВИЗИН 1959

ФОНВИЗИН Д. И., “Недоросль”, in: ИДЕМ, *Собрание сочинений в двух томах*, 1, Москва, Ленинград, 1959, 105–176.

ХАБУРГАЕВ 1990

ХАБУРГАЕВ Г. А., *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*, Москва, 1990.

ЧАПАЕВА 2007

ЧАПАЕВА Л. Г., “Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников” (автореф. дисс. . . . доктора филологических наук, Москва, 2007).

ШЕВЫРЕВ 1842

ШЕВЫРЕВ С. П., “Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая (Состояние русского языка и слога)”, *Москвитянин*, 3, 1842, 153–191.

References

Gasparov B. M., *Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka*, St. Petersburg, 1999.Grigoryeva A. D., “K istorii mestoimenii *sei* i *onyi* v russkom literaturnom iazyke nachala XIX v. (*Sei* i *onyi* u Pushkina),” *Trudy Instituta iazykoznanii*, 2, 1953, 137–197.Khaburgaev G. A., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka. Imena*, Moscow, 1990.Lotman Yu. M., Uspenskij B. A., “Spory o iazyke v nachale XIX v. kak fakt russkoi kul'tury: ‘Proisshestvie v tsarstve tenei, ili Sud'bina rossiiskogo iazyka’ — neizvestnoe sochinenie Semena Bobrova,” in: B. A. Uspenskij, *Izbrannye trudy*, 2, Moscow, 1996, 411–572.Mann Yu. V., “Stat'ia Nadezhdina na nemetskom iazyke,” *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka*, 28/4, 1969, 330–338.Rey A., Delesalle S., “Проблемы и антиномии лексикографии,” in: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, 14, Moscow, 1983, 261–300.Tolstoy N. I., “Vzgliady A. N. Pypina na istorii russkogo literaturnogo iazyka (Stranichka iz istorii russkoi lingvistiki),” in: W. Moskovich et al., eds., *Russian Philology and History: In Honour of Professor Victor Levin*, Jerusalem, 1992, 156–169.Tomashevskiy B. V., *Pisatel' i kniga: Ocherk tekstologii*, Moscow, 1959.Uspenskij B. A., *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke (Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki)*, Moscow, 1975.Vinokur G. O., *Izbrannye raboty po russkomu iazyku*, Moscow, 1959.доц. **Любовь Георгиевна Чапаева**, д. филол. наукМосковский педагогический государственный университет, Институт
филологии, профессор кафедры общего и прикладного языкознания
119991 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр.1

Россия/Russia

lg4@mail.ru

Received December 13, 2016